

Сообщение Кристиана делает вероятным мнение, что ротонда св. Климента была построена в Левом Градце при епископе Войтехе, в рамках возвращения к традиции мифодиевской Моравии. Это не означает, что до того в тех местах была пустыня. Вполне возможно, что там стояла какая-либо часовня, но сомнительно, чтобы она была посвящена тому же святому. О наличии до времени Войтехе в Чехии и Моравии культа св. Климента нет бесспорных доказательств. Все попытки найти для кристиановской легенды о Борживое опору в более древних источниках, письменных или археологических, кончаются неудачей. Не остается ничего другого, как выводить ее из самого труда Кристиана и его времени. Пожалуй, не случайно, что о церкви св. Климента и о священнике Каихе Кристиан говорит как бы «в один прием». Едва ли может быть сомнение в том, что при Войтехе в Чехию приходили славянские монахи и священники. Если бы этого не было, трудно было бы объяснить существование 1-го старославянского жития Вячеслава, знакомство с кирилло-мифодиевской литературой и специально с болгарскими источниками в труде Кристиана. Каих — это безусловно перенесение актуальной действительности на начальный период чешского христианства. Заманчиво приписать по аналогии строительство ротонды св. Климента вместо Борживоя Войтеху. Есть сходство в их именах: их объединяет слог *вой*. В таком случае можно было бы считать Левый Градец центром славянской литургии в последних десятилетиях X в., предшественником Сазовского монастыря. Оба сообщения Кристиана — о славянском священнике и о церкви св. Климента — образуют единство. И единство это, по всей вероятности, было реальностью в эпоху Кристиана. Что было в Левом Градце в IX в. — это загадка; быть может, археологам удастся несколько ее осветить. Но вот вопрос: на что больше надежды — выкопать там библиотеку IX в., принадлежавшую ученику Мифодия, или стрелы Властиславовых лучан, о которых говорит Козьма? Девятый век в Чехии был, очевидно, и для Козьмы, и для Кристиана полем для смелых гипотез. Было бы большим успехом археологии, если бы удалось хотя бы в общих чертах осветить культурное состояние Чехии в эпоху до Спитегнева и Вратислава.

Крещение Борживоя — основная загадка труда Кристиана. Во всей агиографии его рассказ стоит обособленно, в рамках самого труда служит соединительным звеном между двумя основными его частями — Кирилло-Мифодиевской и Вацлавской. Кирилло-Мифодиевскую легенду Кристиана можно свести к известным и сохранившимся житиям. Вацлавскую его легенду со включенным в нее рассказами о Людмиле и Подивене можно возвести к сохранившейся более ранней агиографии X в. Только Борживоева легенда висит в воздухе; для нее нет опоры в более ранних источниках. Но ее, как мы старались показать, можно целиком и без остатка объяснить композиционными потребностями самого автора и главное — потребностями великого славянского Ренессанса в Чехии во времена Кристиана и Войтехе. Это наиболее оригинальная часть труда Кристиана; ее ценность для познания реальной истории IX в., по всей вероятности, минимальная; зато она — незаменимый источник для освещения идейных сил, действовавших в конце X в.